
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО)

Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»

Дмитрий АНДРЕЕВ, Геннадий БОРДЮГОВ

ПРОСТРАНСТВО
ПАМЯТИ:
Великая Победа и власть

Москва
«АИРО»
2005

Художник — Сергей Щербина

Андреев Д. А., Бордюгов Г. А. **Пространство памяти: Великая Победа и власть.** Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 19. — М.: АИРО, 2005. — 56 с.

ISBN 5-88735-148-9

Авторы продолжают развитие заявленного ими год назад в книге «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина» пространственного подхода к описанию исторического процесса. На этот раз объект анализа Д. Андреева и Г. Бордюгова — пространство памяти, рассмотренное на примере интерпретаций и восприятия празднования Дня Победы с 1945 года и до ожиданий и прогнозов, касающихся предстоящего 60-летнего юбилея 2005 года.

ISBN 5-88735-148-9

© АИРО, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Пространство памяти.....	7
1945: подчинение памяти	10
1955: локализация пространства памяти	15
1965: прорыв в пространство жизни	20
1975: в контексте «строек коммунизма»	30
1985: в предчувствии перемен	32
1995: в пространстве симулякров.....	38
2005: в пространстве официозного минимализма	45
Возможное будущее пространства памяти.....	52

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ

Стоило бы написать целую историю
различных пространств
(которая в то же время была бы историей
различных видов власти)...

Мишель Фуко

Сейчас, накануне 60-летия Победы, практически каждый шаг власти делается с оглядкой на предстоящий юбилей. С какими-то решениями торопятся, дабы они громче «прозвучали» в преддверии 9 мая. Иные, непопулярные, напротив, откладываются «на потом». Идеология в очередной раз подстраивается под дух 45-го, чтобы на волне действительно всенародного праздника представить режим в выгодном свете и придать ему — как неизбежному центру торжеств — дополнительный импульс общественного внимания. И желательно наиболее позитивного.

Как и власть, память является феноменом пространственным, нуждающимся для своего описания в соотношении с характеристиками протяжённости, местоположения, локальности, ландшафтных измерений. Определения обоих пространств исполнены образностью и аналогиями, обеспечивающими адекватность понимания их смыслового наполнения.

Пространство власти — своеобразная сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство страной. Это специфическая область взаимодействия как отдельных личностей, так и целых корпоративных групп или системных институтов; некий ареал, в пределах которого справедливо утверждение: «Власть вершится здесь».

Производное от пространства власти *пространство памяти* представляет собой адресную, фокусированную актуализацию прошлого для нужд настоящего. Словно луч прожектора, память

выхватывает из тьмы минувшего сокрытые там объекты, которые часто смотрятся искажёнными. Трёхмерность становится условной, а отбрасываемая тень кажется как бы составной частью их самих. Властвует тот, кто направляет свет. Память же о прошлом так же отлична от самого прошлого, как и естественный вид освещаемых объектов — от тех очертаний, какие видятся стоящему позади прожектора.

Способ, каким властвующий субъект преподносит прошлое, локализуя или, напротив, увеличивая зону освещения, регулируя яркость «прожектора», а также направленность и интенсивность его лучей, можно назвать *проектом памяти*. Любая власть проектирует не только настоящее и будущее, но и прошлое. Точнее, конечно, не само по себе прошлое, но его интерпретации и восприятие.

Проект памяти расчленяет прошлое на две части — актуализируемую (то есть «освещаемую») и игнорируемую (как правило, преднамеренно). В свою очередь, актуализируемая часть также неоднородна. В ней можно выделить два отличающихся друг от друга начала, которые следует обозначить *культурным героем памяти* и *субъектом памяти*.

Культурный герой памяти — это некий образ, отдельная персона или несколько личностей (а то и целая большая группа людей, выделенных из остальной массы по какому-то признаку), наконец, определённая идея или тенденция, которые преподносятся тем или иным проектом памяти в качестве главного творца «высвечиваемого» прошлого.

Однако при таком «высвечивании» под лучами волей-неволей оказываются не только подобные культурные герои, но и другие сопряжённые с ними субъекты памяти, которые, однако, не вписываются в сценарий реализуемого властью проекта. Отсюда — очевидное стремление «осветителя» минимизировать роль и значение этих субъектов.

В результате на «высвеченном» участке прошлого разворачивается противостояние между культурными героями и субъектами памяти. Первые должны отрабатывать свой исключительный статус, вторым же просто приходится отстаивать собственное право на историческое существование. Данное противостояние невозможно скрыть — ведь оно происходит под лучами, направ-

ленными на культурных героев, но попадающими одновременно (и неизбежно) и на субъекты памяти.

Противостояние между культурными героями и субъектами свойственно любому проекту памяти, то есть виртуальной реконструкции прошлого. Именно поэтому в исторической действительности подобной конкуренции могло вовсе и не быть. Правда, для проекта памяти это обстоятельство не играет никакой роли. Наблюдая за схваткой культурных героев и субъектов, мы созерцаем отнюдь не картины прошлого, но лишь отражённую в реалиях минувшего конъюнктуру настоящего.

Не «высвеченная» властью территория прошлого — это *зона антипамяти*; бесполезная или нежелательная для «проектировщика» область, в которую он норовит переместить неугодные ему субъекты, чтобы те не мешали «правильному» восприятию действий культурного героя.

Такова принципиальная модель пространства памяти (см. рисунок 1). Анализ взаимодействий пространств власти и памяти позволяет представить динамическую картину политического процесса. Интерпретации минувшего — существенные компоненты легитимации режимов. Поэтому восприятия Победы в Великой Отечественной — пожалуй, наверное, как никакого другого события нашего недавнего прошлого — зависят не только от столкновений парадно-официозной и подлинно-народной памяти о ней, а также от смен преобладавших умонастроений, но и от способов управления ими.

1945:

ПОДЧИНЕНИЕ ПАМЯТИ

Чем явственнее ощущалось приближение Победы, тем сильнее пережитое в военное лихолетье заполняло сознание и вытесняло в нём всё случайное, мимолётное, прежние удачи и обиды. Страшные жертвы и разрушения, шок от массовых убийств, террора, эксплуатации, учинённых гитлеровцами, и в то же время героическое народное сопротивление, повседневный подвиг в тылу, на «домашнем фронте», уникальная координация усилий и воли отдельных людей в целостное, общее для всех состояние не шли ни в какое сравнение с испытанным в довоенное время. Победа несла огромный энергетический заряд. Компенсацией горя и потерь становилось понимание того, что перенесённое в годы войны вдохнуло необыкновенный оптимизм и веру в то, что всё изменится к лучшему. На это работал и громадный международный авторитет, который приобрела страна в годы войны.

Между тем политической элите надо было разобраться с теми «ловушками» памяти, в которые она невольно попадала с выдвинутыми во время войны новыми политическими установками, сыгравшими роль своеобразных скрепов общества. Среди них — активизация патриотических чувств, пересмотр роли Церкви, роспуск Коминтерна, снятие «табу» на многие формы хозяйствования и другие. В частности, кампания по превозношению русской культуры, доказательству её самобытности вела к неприемлемому «славянофильству». Подчёркивание в годы войны преемственности между старой, дореволюционной, и советской Россией запутывало вопрос об идеологической целостности её истории: некоторые учёные требовали оправдать «колониально-захватническую политику» царизма, представить в качестве «реакционных» крестьянские восстания под руководством Разина и Пугачёва, движение декабристов; оппоненты этой точки зрения объявля-

лись последователями «норманистов». Усиление имперских настроений — естественная реакция на подобные споры.

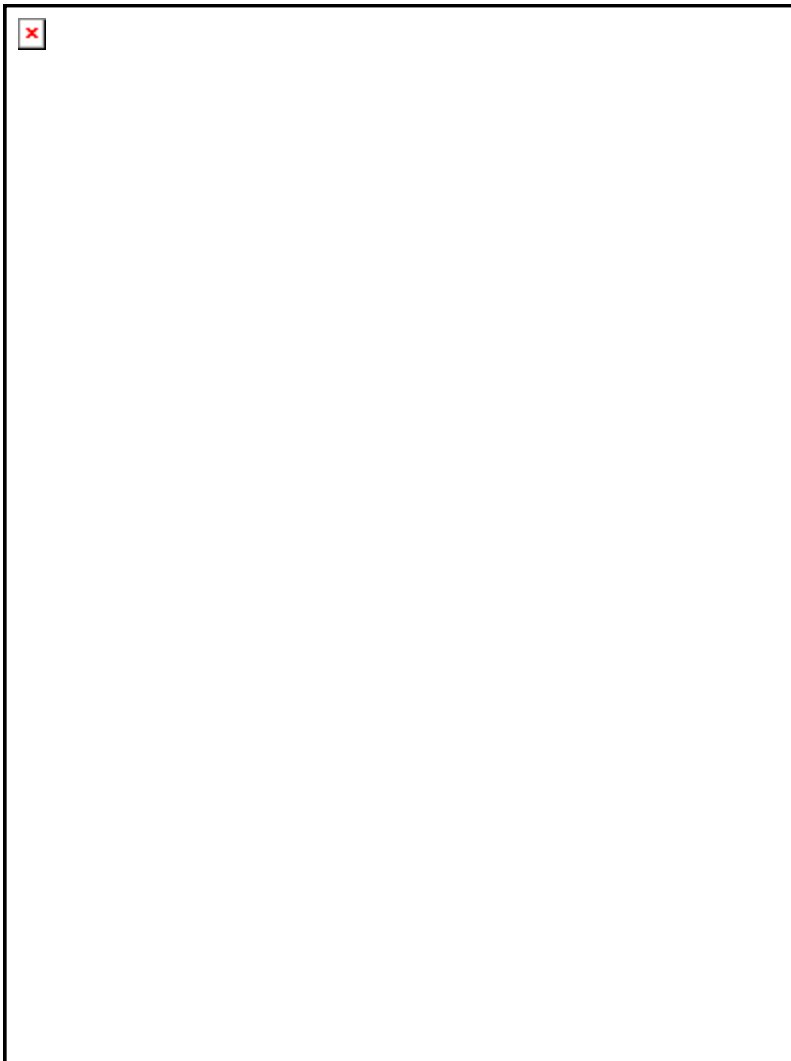
Освобождение оккупированных территорий порой порождало неожиданные вопросы. Например, почему после изгнания с них немцев русские земли переименовываются в «украинские», почему используется термин «российский народ» вместо «русского» с его делением на великорусов, малорусов и белорусов?

Идеологический маятник зашёл здесь довольно далеко. Назвав русский народ «руководящей силой в великом Советском Союзе», Сталин фактически провозгласил новую стратегию в этнополитической сфере. До сих пор такая характеристика прилагалась лишь к партии и рабочему классу, но никак не этносу. Был выставлен «пробный камень» в предстоящей масштабной идейно-политической игре, облакаемой в форму не только словословий и выпадов, но и культуртрегерских инвектив. Вождя, по всей видимости, не отпускали тревоги, связанные с возможными неблагоприятными для режима новыми приливами чувств этнической самооценности нерусских народов, памяти о ней. Национальное никак не желало соединиться с интернациональным в его великорусско-советском обличье. Поэтому следовало, согласно сталинской диалектике, ликвидировать одну из двух противостоящих сторон, привести национально-культурную сферу к общему, великорусскому, знаменателю.

Пройдёт совсем немного времени, и разыгрывание великорусской идеи в небывалых доселе масштабах захлестнёт общество, культуру и науку. Однако до этого наметилась тенденция минимизации уклонов в сторону национально-государственной идеологии, которые открыто проявились и отчётливо запомнились в период войны.

Победа объективно усилила потенциал консенсуса, а не конфликта в обществе. Но иной взгляд на ситуацию мог вызывать у поколения новейших «декабристов», запомнивших в заграничных походах 44–45-го другую, нежели в советской стране, жизнь. Это поколение надо было поставить на место. На любые раздумья по поводу причин и цены Победы спешно накладывался пластырь большевистской догматики. Тезисы о «непреоборимой силе социалистического строя», «организующей и руководящей идее», «вдохновляющей и решающей роли партии» многие десятилетия сопровождали годовщины Победы.

Рисунок 1

Зоны антипамяти могут сокращаться не только в результате увеличения диапазона светового потока. Этот способ не в состоянии «высветить» пространства, расположенные в «мёртвых» для прямых лучей «прожектора» зонах. В данном случае проблема решается с помощью отражённого (по принципу перископа) света. Правда, в таком случае отражённый свет изливается не только на область прошлого с её культурными героями и субъектами, но также и на сам источник света. См. рисунки 5 и 6.

В официальной пропаганде быстро стиралось различие между двумя этапами войны, нигде нельзя было найти намёков на то, что в 1941 было много случаев предательства, бездарности, трусости. Запрет накладывался на темы коллаборационизма и депортации. Даже естественное, с точки зрения победителей, стремление понять побеждённого врага — уже не как людоеда-фашиста, изверга, тупого гунна, а как человека — подлежало жёсткой цензуре.

Управление памятью, формирование лика Победы исключительно со сталинским профилем (не случайно с 1946 по 1950 годы 9 мая газета «Правда» выходила с большим портретом Сталина), естественно, было невозможно без совершенствования механизма отслеживания настроений и мыслей людей. Под контроль попадали слухи, реплики, обмолвки — всё то, что обычно называется гласом народа. В этой же плоскости работали многочисленные партийные пропагандистские группы, составлявшие многостраничные перечни вопросов, которые задавались в самых разных аудиториях. Своеобразным каналом информации являлась перлюстрация частной переписки. Внимательно изучались анонимные письма, поступавшие в редакции газет. Избирательно проводилось подслушивание элитных групп населения. Специфическим источником фиксации настроений являлись даже специальные отчёты, составляемые на основе услышанных продавцами магазинов разговоров в очередях. Прибавим ко всему этому доносы, поступавшие в большом количестве в самые различные инстанции. Всё это выстраивалось во всевозможные, часто дублировавшие друг друга цепочки прохождения информации на самый верх, где и определялась судьба «носителей крамолы».

Этих усилий оказалось достаточно для того, чтобы сформированная в годы войны общая воля фронта и тыла разбилась на тысячу мелких, индивидуальных и частных волей. «Опьянённые победой, зазнавшиеся, — размышлял о причинах авторитета режима после войны писатель-фронтовик Фёдор Абрамов, — мы решили, что наша система идеальная... и не только не стали улучшать её, а, наоборот, стали ещё больше догматизировать».

Подчинение войсковым командирам было заменено на повиновение тем, кого до Победы Сталин держал в тени. Национальные паруса были сняты, как будто их и не было. Новая идеологическая кампания теперь приобрела агрессивные формы под

видом так называемой борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Режим тотальной манипуляции, освящённый нравственным авторитетом Победы, таким образом, получил передышку. Но противоречия, созданные игрой на свободе и национализме, игнорирование внутренней логики этих великих основополагающих начал любого общества делали данную передышку кратковременной. Власть, по-видимому, тогда и сама не осознавала, что к утаиваемому и плохо освещённому памяти возвращается постоянно. «Страдания памяти» возникают не столько от пережитого ужаса, сколько от невозможности его объяснить.

Примечателен призыв Сталина (в одной из речей перед избирателями Сталинского округа Москвы) подвергнуть победителей критике и проверке, нужными для дела и для самих победителей, дабы они не зазнавались и оставались скромными. Причастность к Победе не давала права на какой-то исключительный статус. Данная установка транслировалась на все «этажи» советского общества. Причём «наверху» спрос с «победителей» был гораздо жёстче, чем «внизу». Адресные репрессии в отношении армейской верхушки должны были наглядно продемонстрировать, кто здесь подлинный Хозяин и творец Победы.

Таким образом, до 1953 года в восприятии Победы существовала парадоксальная ситуация. Её официальное декларативное прославление шло бок о бок с официальной же — но не заявленной открыто, подразумеваемой и обрамляемой прозрачными намёками — девальвацией. Подчинение памяти осуществлялось прямолинейными и незатейливыми методами. В период с окончания войны и до смерти вождя режим лишь примерялся к возможному очередному переходу в новое качество. Да и сама Великая Отечественная ещё продолжала восприниматься в контексте текущего момента. К тому же никаких двусмысленностей (типа причастности к революционному ареопагу лиц, объявленных позднее «врагами народа») у недавней Победы не было. Поэтому вплоть до ухода Сталина так и не сложилось какого-либо содержательного проекта памяти. Любой подобный проект построен на определённой игре с прошлым. Но пока такой игры не требовалось. Всё было достаточно «прозрачно». Пространство памяти оказалось «законсервированным» до наступления новой политической конъюнктуры.

1955:

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

Десятилетие Победы стало не просто первым юбилеем, но и первым опытом целенаправленного переформатирования пространства памяти под новые идеологические потребности. На повестке дня стояла задача масштабной дискредитации Сталина и, следовательно, связанной с его именем мифологии. Глубинные различия между довоенными и послевоенными образами вождя, его стилистикой и проектным видением перспектив развития как самой власти, так и руководимого ею общества, делали 1945 год фактически системообразующим каркасом сталинизма. Поэтому десакрализация Сталина неминуемо должна была означать и десакрализацию Победы, несмотря на то, что сам он и инициировал эту десакрализацию.

Уже 9 мая 1953 года, спустя два месяца после его смерти, слова «День Победы», «Победа» не появились в газетных «шапках» и были упомянуты лишь в традиционном приказе министра обороны. Юбилейный же май 1955 года, когда до XX съезда оставалось менее года, стал как бы генеральной репетицией подготавливаемого поворота — обличения Сталина при сохранении в неизблемости сотворённой им идеократической системы властвования.

В данной ситуации память о войне и одержанной в ней Победе, память, устойчиво ассоциировавшаяся с образом Сталина, должна была подвергнуться своеобразной стерилизации. Пространство памяти необходимо было локализовать на таких сюжетах, которые бы замыкались на покойного вождя лишь опосредованно, или же вовсе не имели к нему никакого отношения.

Рисунок 2

Проект, основанный на принципе локализации пространства памяти, не просто ущербен, но и имеет все основания сработать наперекор изначальному замыслу. Сумма фрагментов, собранных в единый коллаж, может оказаться самой неожиданной как из-за своей комбинаторной соотнесённости, так и вследствие непредсказуемости её интерпретаций.

С этой точки зрения режиссура первого юбилея выглядела оптимальной. Главным ритуальным действием празднования стало состоявшееся 8 мая торжественное заседание советской партийно-государственной верхушки в Большом театре. На этом заседании впервые после смерти Сталина были расставлены новые акценты в официальной трактовке Победы.

Во-первых, обращает на себя внимание выбор докладчика для основного выступления. Им стал не кто-то из первых лиц (пожелавших, видимо, заранее дистанцироваться от события, устойчиво связанного в общественном сознании с именем Сталина), а всего лишь один из военных функционеров — первый заместитель министра обороны и главком Сухопутных войск Иван Конев. Фигура эта, безусловно, известная, была всё-таки не настолько встроена в сталинскую мифологию Победы, как тогдашний министр обороны Георгий Жуков. К тому же выставление в качестве докладчика второго, а не первого лица в служебной иерархии военного ведомства как бы изначально занижало статус и самого доклада.

Более того, сам текст доклада Конева совершенно нетипичен для той победной риторики, которая будет сопровождать празднование 9 мая вплоть до наших дней. Первый заместитель министра обороны говорил исключительно о военных аспектах Великой Отечественной и одержанной в ней Победы. Таким образом, как корпоративная принадлежность самого докладчика, так и зачитанный им текст в известной степени локализовали пространство памяти именно на военной — хотя и значимой, но всё-таки прикладной по своему содержанию — стороне праздника.

Во-вторых, в контексте подобной локализации очень естественно прозвучала и локализация роли самого генералиссимуса. Конев назвал Сталина исключительно председателем Государственного комитета обороны и Верховным Главнокомандующим (низведение вождя до конкретной командно-управленческой должности звучало в унисон с общей установкой на инструментальную милитаризацию Победы), который-де «был назначен» на этот пост «решением Центрального Комитета и Советского правительства». Имя Сталина прозвучало в докладе лишь один единственный раз, и то после подчёркивания заслуг как действующих руководителей (Хрущёва, Булганина, Ворошилова, Кагановича),

так и уже скончавшихся к тому времени (Жданова и Щербакова). Названный «комплект» фигур соответствовал сложившемуся на тот момент балансу группировок, влияний и наследников определённых кланов и тенденций. А главное — являлся коллективным вождем, выдвигавшимся на место бывшего вождя, предусмотренного на ритуальное заклание на грядущем партийном форуме.

Примечательна ещё одна локализация пространства памяти на событии, вообще никоим образом с Победой не связанном. 7 мая 1955 года, то есть накануне вышеупомянутого заседания, также в Большом театре состоялось торжественное мероприятие, посвящённое 200-летию Московского университета. МГУ был награждён орденом Трудового Красного Знамени, и в тот же день на Ленинских горах, близ недавно отстроенного Главного здания университета, произошло событие, по своему жанру вообще несвойственное стилистике советской жизни, — приуроченный к юбилею корпоративный митинг студенческой молодёжи. Пресса уделила празднованию университетского юбилея колоссальное внимание, сопоставимое по своему масштабу с освещением мероприятий 9 мая.

Таким образом, совершенно различные действия в Большом театре шли одно за другим. Данный факт не мог не ослабить знаковой насыщенности собственно победных торжеств. Размах же народного соучастия в обоих мероприятиях оказался просто несопоставимым. В отличие от массового митинга на Ленинских горах, то есть события, сконцентрировавшего значительное количество людей в определённом месте, гуляния на День Победы в московских парках имели локальный и рассеянный характер, чем также резко контрастировали с молодёжно-студенческим праздником 7 мая. Если же ещё принять во внимание, что в День Победы военного парада на Красной площади не было, так как в соответствии с устоявшейся на то время традицией он был проведён 1 мая, то «размазанность» праздничного настроения на события и даты, непричастные к Победе, буквально впечатляет. Не остаётся никакого сомнения в некоей изначально предзаданной и инсценированной диффамации первого рубежа знакового для страны исторического события. Властью было сделано всё для того, чтобы десятилетний юбилей «сталинской» Победы остался как бы незамеченным. Вождь, ещё совсем недавно предназна-

чавшийся на роль единственного культурного героя (будь проект памяти всё-таки запущен при его жизни), оказался ныне субъектом, который новая власть торопилась «сбросить» в зону антипамяти. Однако именно в силу данного обстоятельства, а также в результате суетливых попыток советского руководства «выдавить» опостылевший образ Сталина из любых памятных ассоциаций с Победой вождь всё же присутствовал в ауре юбилея — хотя бы даже в качестве определённой фигуры умолчания (см. рис. 2).

1965:

ПРОРЫВ В ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ

С октября 1964-го номинально началась другая эпоха, но фактически ещё несколько лет осмысливалось, переваривалось то, что ей досталось «в наследство» от «субъективизма-волюнтаризма»...

На различного рода совещаниях, прошедших буквально накануне двадцатилетия Победы, новым секретарём ЦК по вопросам идеологии Петром Демичевым, сменившим в качестве «руководителя» данного направления главного консультанта Хрущёва Леонида Ильичёва, были сделаны знаковые заявления: «Мы навязчиво говорим о культе Сталина. Решение XX съезда было правильное. Но нельзя сваливать всё на мёртвого Сталина»; «“Один день Ивана Денисовича” Солженицына — это патология».

После смещения Хрущёва кампания против Солженицына стала набирать силу — на закрытых собраниях и инструктажах слушателям объявляли, что он изменил Родине, был в плену, служил полицаем. А вскоре после юбилея будет запрещён его роман «В круге первом» и одновременно арестованы Юлий Даниэль и Андрей Синявский. Многие тогда прояснила фраза, произнесённая начальником ГлавПУРа генералом Алексеем Епишевым: «Там в “Новом мире” говорят, подавай им чёрный хлеб правды, а на кой чёрт она нам нужна, если она невыгодна».

В конце апреля 1965-го на рассмотрение ЦК КПСС были внесены специальные тезисы к 20-летию Победы, подготовленные в Институте марксизма-ленинизма под руководством Петра Поспелова. В этих тезисах содержались положения, которые можно было оценивать как косвенную реабилитацию Сталина. Неизвестно, как протекало в Президиуме ЦК обсуждение этих

документов. Во всяком случае, если судить по результатам, то при обсуждении вопроса о Сталине возобладала умеренная точка зрения. Тезисы Поспелова не были приняты, и в печати вообще не появилось никаких официальных тезисов ко дню Победы.

К юбилею также был подготовлен заключительный 6-й том «Истории Великой Отечественной». В нём, в частности, приводилась численность общих людских потерь Советского Союза — 20 млн. человек. И хотя такое количество потерь устно официально называлось с 1961 года, Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати СМ СССР не давало разрешения на опубликование этих данных. Санкция была дана лишь после вмешательства ЦК. С шеститомником был связан и ещё примечательный факт: в вышедших первых пяти томах опальный Жуков упоминался 16 раз, а Хрущёв — 126. Поэтому в 6-м томе именной указатель благоразумно не поместили. А опала «маршала Победы» сменилась на милость: Жукова стали приглашать на различные торжественные собрания, тогда же ему поступило предложение от издательства АПН опубликовать его мемуары.

Стоит ли поэтому говорить о том, что на фоне столь разительных идеологических перемен двадцатилетие Победы во всех отношениях резко контрастировало с первым юбилеем. Несмотря на то, что прошло всего лишь полгода после смены власти, официальное отношение к Отечественной войне обрело принципиально иную окраску. Статус самого праздника изменился до неузнаваемости. Отныне официальные доклады на торжественных заседаниях, посвящённых юбилейным вехам Победы, стали исключительной прерогативой первых лиц. Сами же тексты превратились чуть ли не в программные документы, в которых собственно само юбилейное событие являлось лишь поводом для того, чтобы в очередной раз расставить акценты в официальном видении внутренней и внешней политики.

Пространство памяти, соотносимое с восприятием и смысловым наполнением праздника, начало преодолевать искусственную локализацию на частных, вспомогательных или вовсе посторонних событиях и стремительно разрастаться буквально до пределов пространства самой жизни. Очевидно стремление нового режима «застолбить» это пространство метками с победной

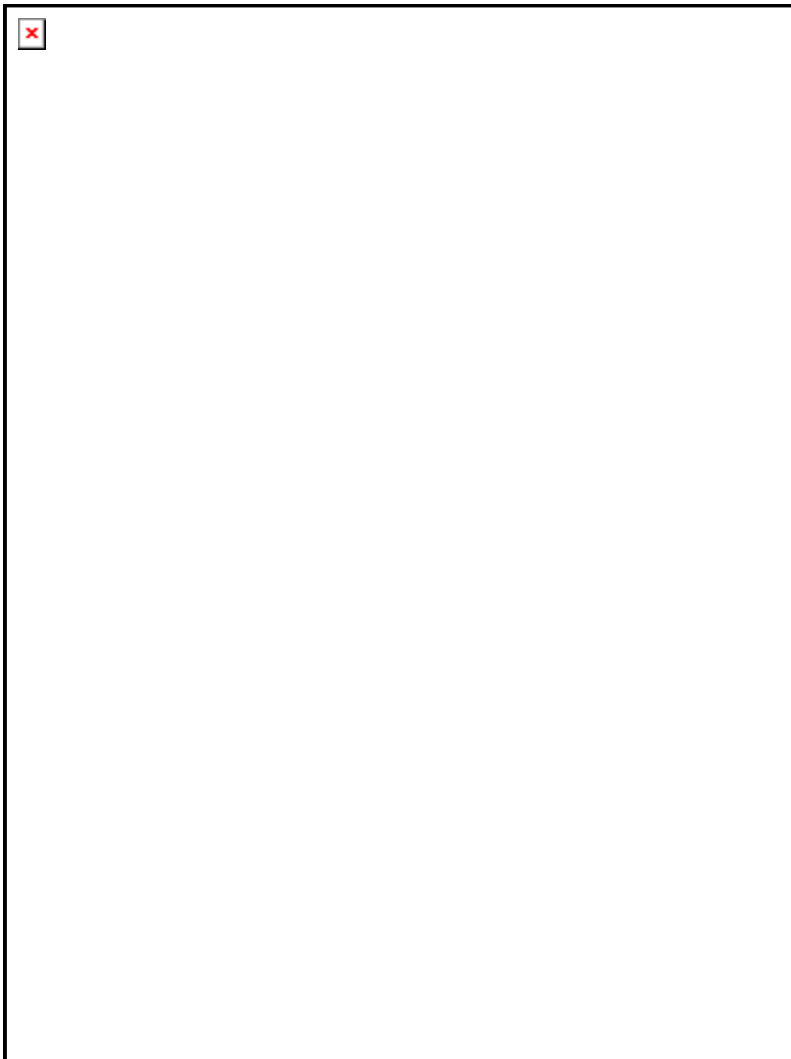
символикой, «освятить» такой символикой повседневность даже в самых, казалось бы, тривиальных её проявлениях.

В данном смысле событиями одного ряда выглядели выпуск в обращение новой рублёвой монеты с изображением памятника советскому воину-освободителю в берлинском Трептов-парке и провозглашение Брежневым в торжественном юбилейном докладе дня 8 марта нерабочим. На первый взгляд, оба эти факта не представляют собой ничего исключительного, выбивающегося из обоймы ординарных пропагандистских приёмов. Однако если взглянуть на данные события именно сквозь призму своеобразной экспансии пространства памяти в пространство жизни, то их значение приобретает совершенно особый смысл.

Рублёвая монета — ежедневный расходный бюджет для подавляющей части тогдашнего работающего населения. Налицо и ассоциативное сходство нового юбилейного рубля с медалью. Такая «медаль», становясь в буквальном смысле слова разменной монетой повседневной жизни советского человека, отнюдь не понижала свой ритуальный статус, но, напротив, как бы даже героизировала обыденность, в каком-то смысле укрепляя чувство Победы во дне сегодняшнем.

Аналогично расшифровывалось и превращение Международного женского дня в выходной. Казалось бы, данный шаг выглядел несколько неуместным, смешивающим воедино совершенно различные образы, даже несмотря на усиленно муссируемый тезис о трудовых подвигах советских женщин и их вкладе в дело Победы как в тылу, так и на фронте. Но в данном случае на первое место выходил даже не сам праздник 8 марта, но его трансформация из дня будничного в праздничный, нерабочий. И всё это — под сенью Победы, по санкции 9 мая. Конечно, подобная связка образов Победы и поздравления женщин не могла утвердиться в памяти надолго — хотя бы из-за различной эмоциональной окраски обоих праздников. Совсем скоро содержание самого Международного женского дня вытеснило воспоминания о причине его превращения в дополнительный выходной для советского человека. Однако провозглашение данного решения в юбилейном докладе воспринималось именно как существенный штрих к новой (как бы сказали позже, — «с человеческим лицом») интерпретации Дня Победы.

Рисунок 3

«Стереозффекты» от распространения пространства памяти на пространство жизни создают ощущение личного соприсутствия в среде культурных героев. Однако для поддержания эффективности такой технологии пространство памяти не должно «замораживаться». Ему, напротив, следует динамично развиваться, чутко реагируя на все изменения самого реального пространства жизни.

Ещё одним шагом, характеризующим затеянный властью прорыв пространства памяти в пространство жизни, стала очень своеобразная сакрализация самой среды обитания народа. Именно на двадцатилетие Победы было утверждено почётное звание «города-героя» и произведены первые его присвоения Москве, Ленинграду, Волгограду, Киеву, Севастополю, Одессе, а также Брестской крепости (звание «крепость-герой»). Образ героя перестал быть сугубо персонифицированным. Учреждение подобного «клуба» особо отличившихся в годы Великой Отечественной городов стало как бы новым, реализованным спустя столетия «изданием» Святой Руси. В обоих случаях объектом сакрализации оказывалась не конкретная личность, но сама земля, ойкумена, прославившаяся подвигом или — что то же самое — подвижничеством. Смыслом такой сакрализации в обоих случаях было исторжение конкретного человека из опутывавшей бытовой обыденности и погружение его в особый мир, где господствуют иные ценности и мотивации. При всей глубинной разнице между напряжённым духовным опытом русского Средневековья и пропагандистскими технологиями брежневской эпохи в обоих случаях сакрализация пространства жизни играла важную роль в воспитании личности. В секулярное советское время именно память брала на себя функции, прежде относившиеся к сфере религиозного опыта.

Новой «Святой Руси» требовалась и подобающая организация ритуального пространства. Спустя два года после юбилея Победы у стен Кремля возник первый «алтарь» складывавшегося культа — могила Неизвестного солдата. Зажжённый здесь (кстати, опять-таки самим Брежневым — будто верховным жрецом) Вечный огонь был не первым в нашей стране, но третьим — после Марсова поля в Ленинграде и Малахова кургана в Севастополе. Но именно после открытия мемориала в Александровском саду подобные сооружения, композиционно оформлявшие Вечный огонь, стали возникать в различных населённых пунктах Советского Союза, причём независимо от их статуса. В стране действительно образовалось как бы единое и унифицированное пространство памяти, представлявшее собой систему стольных градов («городов-героев») и храмовых сооружений (мемориалов). Отдельные мемориалы представляли собой целые комплексы

мегалитов, организовывавших огромные ландшафты. Поначалу такие комплексы возникали в Восточной Европе, скорее, как наши политико-культурные форпосты (воин-освободитель в Трептов-парке, «Алёша» в Болгарии). Возведённый в середине шестидесятых комплекс на Мамаевом кургане представлял собой уже именно архитектурно-скульптурную организацию пространственного ландшафта памяти, исполненного серией образов с очевидными религиозными аллюзиями — взять хотя бы богородичный подтекст центральной фигуры комплекса, Родины-матери.

Двадцатилетний юбилей Победы ознаменовался и другими новшествами, например, Минутой Молчания и Парадом на Красной площади. Однако если традиция Минуты Молчания стала неременным атрибутом каждого Дня Победы, то с парадами получилось сложнее. В советское время они так и «не прижились» на 9 мая, оставшись неизменным элементом празднования 7 ноября. И дело здесь не в том, что двух ежегодных парадов оказалось бы избыточно. Советский режим никогда не принимал в расчёт затраты, если они оказывались идеологически оправданными. Думается, что в отказе от ежегодных парадов 9 мая и сохранении их на 7 ноября проявилось глубинное противостояние этих обоих праздников — базовых для советского режима. Если 7 ноября мы праздновали создание новой политической системы нашей страны, то 9 мая по идее должно было стать не только событием, подтвердившим жизнеспособность этой системы, но и началом её качественно нового существования. Последнее в чём-то удалось сполна (например, космос), но в широком социальном смысле ожидания подлинно новой жизни, дарованной Победой, явно зависали. Праздник консервировался исключительно как ритуальный, и приоритет (а вместе с ним и парады) остался за 7 ноября.

Вместе с тем именно Победа фактически становилась единственной легитимацией советского строя. После тёмной истории со смещением Хрущёва власть пыталась укрепиться в том числе и за счёт масштабного расширения пространства памяти. Заявленный в 1965 году проект такого расширения не имел чёткого конечного целеполагания, но лишь обозначал само магистральное направление.

Подобная «экспансия» пространства памяти в пространство жизни самым неожиданным образом отразилась в художественном творчестве тех лет и, прежде всего, кинематографе. Во второй половине 60-х — начале 70-х на экраны вышло несколько знаковых лент, каждая из которых по-своему интерпретировала и преподносила заданную «сверху» задачу по приближению героики Великой Отечественной ко дню сегодняшнему. Диапазон ракурсов и углов зрения был здесь гораздо более сложным, нежели банальное противостояние либерального шестидесятнического и официозного взглядов на Победу. Тем более что и самого-то противостояния как такового попросту не было. Топорные попытки партийного руководства направить творческое осмысление военной темы в нужное русло парадоксальным образом оборачивались неординарными сценаристским замыслами и режиссёрскими находками. В результате иной — отличный от официозного и становившегося всё более и более окостенелым — образ Победы не был монополизирован исключительно шестидесятнической стилистикой, но обрёл и иные творческие воплощения.

Собственно говоря, даже шестидесятнический «почерк» известных кинолент не был единообразным. Взять хотя бы такие непохожие фильмы, как вышедшие буквально друг за другом «Июльский дождь» Марлена Хуциева (1966) и «Женя, Женечка и «Катюша»» Владимира Мотыля (1967).

Картина Мотыля поражает своим совершенно нетипичным для военной тематики настроем. Лёгкий комедийный сюжет на фоне завершающих месяцев Великой Отечественной. Идущая через весь фильм шуточная песня про «капли датского короля». Наконец, абсолютно неприемлемый для советского кинематографа взгляд на врага как тоже на человека. И всё это — предельно корректно, тактично, без опошления и даже без какой-либо претензии на изображение «другой» войны. Война всё та же, и Победа в ней — самая настоящая. А вот настроение после фильма — совершенно необычное: лёгкая грусть, не подавляющая своей безысходностью и невосполнимостью утрат, но жизнеутверждающая и — что самое важное — как бы с иной стороны подводящая к скорби и памяти по оставшимся на полях сражений.

У Хуциева — заход к теме памяти с другой стороны. Исполненные серьёзностью (серьёзностью искренней и неподдельной,

на какую способны, пожалуй, только лишь дети) взгляды мальчишек, оказавшихся посреди традиционной встречи ветеранов на День Победы у Большого театра, пробирают до дрожи. Вот они — хранители памяти, те, кому предстоит отстаивать право прошлого на своё существование, а через это — обретать собственное будущее. Эти дети появились на свет после не только 45-го, но и 53-го. Поэтому они непричастны той непростой и трагической истории, которая выпала на долю их отцов и даже, может быть, старших братьев. Отсюда — и их право на причастность к Победе.

Пройдёт ещё немного лет, и та же самая мысль об освящении Победой всех последующих поколений прозвучит в фильме «Офицеры» (1971), который уже никак нельзя рассматривать в контексте шестидесятнической стилистики. Проникновенность теперь достигается не вычурностью, а, напротив, простотой, может быть, даже нарочитой, но от этого только ещё более сильной. «Любовный треугольник» на фоне лихолетий Гражданской, Великой Отечественной и начинающейся «холодной» войн — не содержание, а, скорее, обрамление главной и сквозной идеи фильма: наследовании героики прошлого, её своеобразной «вакансии» для дня сегодняшнего.

Смысловая квинтэссенция картины наглядно раскрывается в её заключительных кадрах, представляющих собой видеоряд из жизни основных героев, проходящий под замечательную и любимую разными поколениями вот уже более тридцати лет песню. Песню, расставляющую в том числе и требуемые идейные акценты. Вдумаемся в её слова. Ведь она — не столько о «героях былых времён», от которых «не осталось порой имён» и которые «стали просто землёй и травой». Песня эта — об их памяти и сохранении героического опыта: «Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых»; «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Налицо и символическая перекличка с хуциевскими ребятами из финальной сцены «Июльского дождя». Там — детское испытующее и пронизывающее, будто иниципирующее на подвиг — вглядывание в ветеранов. Здесь — «глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят». И, наконец, главное, то, к чему подводит вся песня: «Этот взгляд, словно высший суд для ребят, что сейчас растут. И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть».

Главным героем фильма оказывается Ваня — внук героя Георгия Юматова, потерявший родителей в Великую Отечественную, отданный дедушкой-генералом в суворовское училище и ставший офицером ВДВ. (Пофантазируем: может быть, впоследствии полковником бравший Кабул, а ещё позже — генералом — Грозный.) Вот оно — наглядное погружение пространства жизни в пространство памяти. Насколько такое мастерское погружение можно считать заслугой режима — сказать трудно. Но, по крайней мере, совершенно отчётливо ясно другое. Социальный заказ власти оказался выполненным настолько профессионально, что в конечном итоге ударял и по самому «заказчику», всё более увязавшему в абсурде «застоя», наглядно контрастировавшем с героикой фильмов той эпохи.

Кинематографическое пространство памяти не только демонстрировало несоответствие героики прошлого мерзостям дня сегодняшнего, но и активно обличало их. Сначала — аккуратно и, вроде бы, в пределах допустимого. Как, например, в «Белорусском вокзале» (1970), где ветераны как носители абсолютного нравственного начала противопоставлялись омертвелому равнодушию бюрократизма. Затем обличительный глас кино начал звучать громче, и под его критику попала самая верхушка режима. Борьба в руководстве уходящего в небытие Третьего рейха, мастерски изображённая в «Семнадцати мгновениях весны» (1973), воспринималась как прозрачный намёк на ситуацию в треугольнике Кремль — Старая площадь — Лубянка. Медвежьёю услугу режиму оказала и суперофициозная эпопея Юрия Озерова «Освобождение» (1971). Заказанная «сверху» в качестве своеобразной знаково-культурной ресталинизации, призванной заменить уже нереальную общественно-политическую ресталинизацию, эпопея, идеализировавшая управленческий и военный командный гений вождя, неминуемо подталкивала к сравнению этого образа со сдававшим буквально на глазах генсеком и его геронтократическим окружением.

Характерной особенностью брежневского проекта памяти явилось отсутствие в нём нежелательных субъектов (см. рис. 3). Правда, данное обстоятельство трудно назвать заслугой собственно самого проекта. Так вышло само собой. Какие-то нежелательные для режима сюжеты прошлого типа роли союзников,

коллорабационизма или тем паче пакта Молотова-Риббентропа были для того времени совершенно неактуальными. Зато привнесение ауры Победы в советскую повседневность позволяло сглаживать её неустроенность, а также существенно подправлять стремительно ухудшавшийся имидж власти. Поэтому усиленная эксплуатация образов 45-го, эксплуатация, обернувшаяся фактическим паразитированием на них, стала характерной чертой официальной советской идеологии вплоть до её краха на рубеже 80-х — 90-х годов.

1975:

В КОНТЕКСТЕ «СТРОЕК КОММУНИЗМА»

Несмотря на то, что следующий юбилей Победы отмечался при том же режиме, что и предыдущий, между ними было мало общего. Вместо размаха и помпезности 1965 года — минимализм 1975-го: официальная часть мероприятий 9 мая свелась лишь к возложению венков к Мавзолею и могиле Неизвестного солдата.

Новые акценты в интерпретации юбилея, как и прежде, были расставлены в докладе Брежнева с весьма характерным названием — «Великий подвиг советского народа». В преддверии принятия новой Конституции, в которой предполагалось подчистить прежние устаревшие классовые дефиниции и активно использовать более широкое и обтекаемое понятие народа, юбилейный доклад генсека был чем-то вроде апробации. Тем более что повод для рассуждений о советском народе был, пожалуй, наиболее удачным и беспроегрышным. Великая Отечественная действительно переплავила разномастное в социальном и национальном отношениях население Советского Союза в единую общность.

Ещё одним знамением времени, отразившимся в докладе Брежнева, стало активное обращение к молодёжи как наиболее деятельной и активной части общества. Движение стройотрядов, освоение новых месторождений — то есть явления, буквально на глазах преображавшие страну, — творились руками молодого поколения. «Вся наша страна по существу — огромная стройка», — афористично заметил генсек в юбилейном докладе. Пространство жизни, в которое со времени двадцатилетнего юбилея Победы стремилось разрастись пространство памяти, обрело к середине

70-х вид стройплощадки. Соответственно и символика победных торжеств также обрела молодёжно-стройотрядовские черты. Кульминацией развернувшегося незадолго до юбилея общесоюзного начинания под лозунгом «Работать за себя и за того парня» стала манифестация столичной молодёжи 9 мая 1975 года на Красной площади. Событие это выглядело поистине незаурядным. При всей своей вышколенности и отрепетированности молодёжная манифестация заметно отличалась от традиционных демонстраций трудящихся хотя бы уже своей энергетикой. В преддверии запланированных на лето того же года Хельсинкского совещания и стыковки в космосе советского «Союза» с американским «Аполлоном» подобная новая стилистика победных торжеств являлась своего рода превентивным наступательным внешнеполитическим манёвром. И — надо сказать — манёвром, полна оправдавшим возложенные на него надежды.

1985:

В ПРЕДЧУВСТВИИ ПЕРЕМЕН

С приходом к власти Горбачёва неизбежность перемен ощущалась повсеместно. Однако на праздновании сорокалетия Победы наступление «политической весны» никак не отразилось. Точнее, отразилось самым несуразным образом. Новый генсек впервые после многолетнего перерыва в юбилейном докладе помянул Сталина. Причём просто именно помянул, сказав фразу, полностью соответствовавшую объективной реальности: «Гигантской работой на фронте и в тылу руководили партия, её Центральный Комитет, Государственный комитет обороны во главе с Генеральным секретарём ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным». Симптоматично, что даже это совершенно обезличенное, формальное и лишённое какой-либо политической оценки упоминание имени вождя вызвало продолжительные аплодисменты, а о Горбачёве пошла молва как о сильном политике, не побоявшемся после длительного замалчивания назвать имя Сталина. Вкупе со слухами о якобы готовившемся тогда обратном переименовании Волгограда в Сталинград эта обмолвка накануне 9 мая на какое-то время сформировала представление о заявленной на недавнем Пленуме перестройке как о продолжении андроповского «закручивания гаек».

Ритуальной новацией сорокалетнего юбилея стало возобновление парада на Красной площади. Причём на этот раз в прохож-

дении строем мимо Мавзолея приняли участие не только представители военно-учебных заведений и родов войск, но и ветераны войны, а также подразделения, костюмированные в форму советских военнослужащих времён войны. Данная особенность парада явилась знаковой: действо обрело театрализованные черты и, соответственно, существенно изменило свой статус. Однако режим пока ещё оставался прежним, и подобные нововведения в ритуал, который по-прежнему воспринимался как сугубо презентационный, не могли не расшатывать устоявшиеся на протяжении десятилетий идеологические штампы.

Другой отличительной чертой этой первой горбачёвской и одновременно юбилейной весны стали два субботника. Помимо обычного, ленинского, ещё один, состоявшийся между Первомайскими праздниками и Днём Победы и приуроченный к юбилею. У этого дополнительного субботника был свой вполне прагматичный резон: между 1 и 9 мая получалось слишком много выходных, и сокращение количества нерабочего времени за счёт объявления коммунистического трудодня явилось выходом из этой ситуации, хотя и непопулярным.

Самой же непопулярной чертой юбилея стало ожидание антиалкогольной кампании, начало которой новый генсек лично и в открытую приурочил именно к завершению юбилейных торжеств. Ещё накануне Первомая в стране начался торгово-закупочный бум в винно-водочных магазинах. Повсеместно утвердилась установка отметить День Победы и помянуть павших «по-настоящему» в последний раз. Столица и крупные города в одночасье оказались наводнёнными как бы «самиздатовскими» ксерокопиями доклада о катастрофическом положении в стране в связи с ростом пьянства и алкоголизма. Обращали на себя внимание и политические акценты якобы «самиздатовского» материала. Главным виновником спаивания советского народа там назывался Троцкий. Своеобразным отголоском такого «стихийного антитроцкизма» нового режима стали яркие и образные обличения Троцкого, прозвучавшие в докладе Горбачёва два года спустя, на семидесятилетнем юбилее Октябрьской революции.

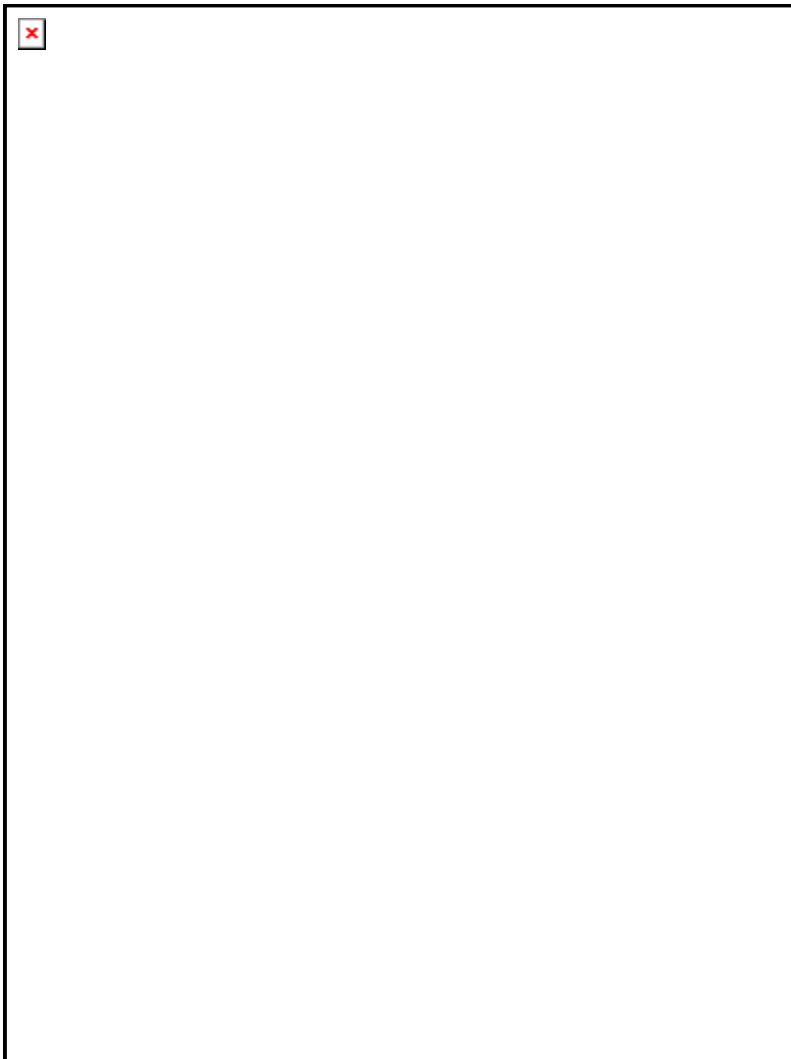
Ещё одной особенностью сорокалетнего юбилея Победы стала артикуляция самого слова «память». Эта артикуляция проявилась даже не в официальной риторике торжеств. Память

и воспоминания сами по себе вдруг стали главными героями дня, самостоятельными и самооценными точками сборки творческой рефлексии по поводу очередной вехи 45-го. «Эта память опять от зари до зари беспокойно листает страницы», — эти строки поэта-фронтовика Михаила Дудина, положенные на музыку и исполненные звездой советской эстрады 80-х Юрием Антоновым, регулярно звучали в те майские дни 85-го, став как бы даже неофициальным гимном 40-летия Победы. По какому-то странному совпадению именно памятование оказалось в сюжетном центре и других написанных к юбилею военных песен. «Помню, как сейчас, наш десятый класс закружила выюга фронтовая», — пробирала до слёз София Ротару. «Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай тот поющий и цветущий яркий май», — напоминали «Сябры».

На протяжении двадцати лет пространство памяти разрасталось до пределов пространства жизни, вбирая в себя последнее и срачиваясь с ним. Обратной стороной этого процесса неминуемо становилась сопричастность пространства памяти пространству власти «застойного» советского режима. Вместе с тем Великая Победа продолжала оставаться неколебимым ценностно-нравственным мерилom, и потребность в её отграничении от деградировавшего режима становилась всё острее и острее. Сосредоточение на образе непосредственно самой памяти оказалось определённым выходом из этой непростой ситуации (см. рис. 4). Выходом, прочувствованным и заявленным людьми творческими, острее других ощущавшими востребованность новых акцентов в интерпретации Победы.

Однако за этой неожиданной артикуляцией слова «память» прозрачно угадывалась и иная причина. К середине 80-х организационно оформилось и фактически легализовалось массовое одноимённое движение, зародившееся в нашей стране ещё в хрущёвские времена как реакция на официальный нигилизм в отношении традиционных национальных, в том числе и православных ценностей, объявленных властью наследием сталинщины. В данной ситуации стало естественным обращение движения «Память» к стилистике и риторике консервативных православно-монархических организаций России начала XX века и, следовательно, в целом к разного рода конспирологическим сюжетам.

Рисунок 4

Увеличивающийся зазор между пространством жизни и «оккупировавшим» его пространством памяти рано или поздно приводит к омертвлению и выхолащиванию последнего. Тогда политическая конъюнктура начинает концентрироваться на разного рода «суррогатах» типа самого феномена памяти как чего-то самоценного. Такой «суррогат» какое-то время ещё способен удерживать пространство памяти, хотя нарастающий в этом пространстве кризис неминуемо ведёт к коллапсу всего проекта в целом.

Сорокалетний юбилей Победы дал богатую пищу для размышлений на этот счёт. 9 мая в газете «Труд» было помещено информационное сообщение о торжественном заседании в Кремле, речь Горбачёва, а также обычная в подобных случаях фронтальная фотография сидящих на сцене КДС высокопоставленных участников заседания и самого генсека, выступающего с трибуны. Чтобы укрупнить фигуру Горбачёва, её с помощью фотомонтажа несколько выдвинули вперёд, однако при этом по какой-то причине не заретушировали часть его головы. В результате перед изумлёнными читателями «Труда» предстала следующая прямотаки демоническая картина. На трибуне выступает Горбачёв, а за его спиной, на первом ряду почётных участников заседания, перед избранным на только что состоявшемся Пленуме членом Политбюро Егором Лигачёвым лежит голова нового генсека. Можно себе представить, какие слухи породила эта фотография вкупе с валом «самиздатовских» антитроцкистско-антиалкогольных прокламаций! А год спустя в ряде газет за некоторое время до аварии на Чернобыльской АЭС будут опубликованы странные рисунки, которые в духе становившейся всё более и более модной конспирологии станут расшифровываться как схема энергоблоков этой электростанции с пометой того, на котором произойдёт авария, а также с точной датой самого трагического события. Страна стремительно входила в новую фазу своего существования с совершенно непривычной для здравого смысла советского человека политической метафорикой...

В целом же в 1985 году пространство памяти по-прежнему доминировало в пространстве повседневной жизни советского человека. В этом космосе ценностей и мотиваций не было места прагматике, однако остро ощущалась потребность каких-то, пускай и не артикулированных «сверху», перемен. Новый прорыв в осмыслении истории войны пришёлся на 1990-й, когда в одной из центральных газет 5 мая появилась статья с немислимым по тем временам названием — «Украденная Победа». Смысл её сводился к доказательству, что в войне действовали две переплетающиеся, но разнородные силы: народ и система, олицетворяемая сталинским режимом. В первый период система оказалась основной силой, правда, малоэффективной. Ей ничего не оставалось, как на время отойти, приспособиться, дать народу развернуться

во всей его мощи. Эта главная действующая сила выдвинула из своей гущи военачальников, расплатилась массовым героизмом, миллионами жизней. Обе силы внесли свой вклад в итог: если сила народная освобождала, то сила системная, идущая вослед, тотчас заключала освобождённых в свои стальные объятия. Так и Победа была перехвачена на финальном этапе. Народ из главной, одухотворённой силы автоматически вернулся в ряд орудий, инструментов. И трагизм состоял в том, что это было почти неизбежно: народ не имел ни социальной связанности, ни правовых механизмов, которые помогли бы прогнать обанкротившееся правительство в 41-м, не отдать ему Победу в 45-м. На основную движущую силу Победы, объявленную Сталиным «винтиком», срочно подыскивали крепкую гайку. Система лихорадочно надвигала плиту официоза, заdraивала приоткрытые в войну люки — дабы не допустить взрыва изнутри.

Острая дискуссия по поводу «Украденной Победы» провела чёткий водораздел между ветеранами — носителями парадной и подлинной памяти о войне. Первые обращались к Горбачёву с требованием призвать к ответственности авторов за клевету на советскую действительность, издевательства над памятью о войне. Вторые выражали признательность за восстановление памяти и чести погибших и «возвращение Победы» тем, кто её действительно выстрадал и заслужил.

Однако власть демонстрировала откровенное пренебрежение к выпестованному ею же самой пространству памяти, не смогла или не захотела овладеть, пожалуй, наиболее эффективной для нашего менталитета технологией управления — через держание и целенаправленное конструирование этого пространства. Симптоматично, что коллапс режима произошёл в тот год, когда празднование Дня Победы явилось разменной монетой в противостоянии «ретроградного» союзного центра и молодой «демократической» российской власти.

1995:

В ПРОСТРАНСТВЕ СИМУЛЯКРОВ

Даже после распада Советского Союза День Победы остался, пожалуй, единственным праздником прошлой эпохи, который по-прежнему отмечался — в том числе и на официальном уровне.

Хотя в первое время после распада СССР Победа как один из краеугольных камней советского прошлого подверглась масированной дискредитации. В 1992-м огромным тиражом выходит «нефантастическая повесть–документ» Виктора Суворова «Ледокол» с версией о подготовке Сталиным агрессивной войны против Германии. Она расколола не только историков, но и многомиллионную читательскую аудиторию. Демифологизируются подвиги 28 гвардейцев-панфиловцев и Александра Матросова. Появляются работы о массовом коллаборационистском движении, в том числе службе миллионов русских, украинцев и представителей других национальностей в вермахте и частях СС, работе во вспомогательной полиции и органах оккупационной администрации.

По мере усиления патриотической риторики и ориентации режима Ельцина вал разоблачений под вывеской поиска «правды истории» стал спадать, зато значение празднования 9 мая вновь начало усиливаться. Когда же подошло время полувекового юбилея Победы, российская власть решила превратить эту дату в масштабную акцию собственной презентации, имея в виду маячившие впереди очередные президентские выборы 1996 года.

Столь помпезно и официально День Победы ещё никогда не отмечался. При этом официальная идеология празднования оказалась целиком заимствованной из советского прошлого. Кремлёвские политехнологи попросту не стали вшивать в уже устоявшуюся и обкатанную на протяжении предыдущих десятилетий структуру памяти никаких новых акцентов из рыночной эпохи. Единственное, на что тогда отважились пойти, так это на перенесение героики Великой Отечественной на проводившуюся с декабря 1994 года операцию российских силовых структур в Чечне. Этим переносом было оправдано и широкое задействование участников этой операции в парадах и других торжественных мероприятиях.

Власть не только повторила, но и значительно дополнила прежний советский сценарий празднования Дня Победы. Спустя десять лет после предыдущего — сорокалетнего — юбилея на Красной площади состоялся парад. Восстановление Воскресенских ворот сделало невозможным участие в параде военной техники. Поэтому было решено не отказываться от столь зрелищного мероприятия, но провести его на Кутузовском проспекте, рядом с достроенным (ещё одна впечатляющая акция ельцинского режима) комплексом Музея Победы на Поклонной горе.

Однако был и ещё один аргумент в пользу проведения именно такого двойного парада, и этот аргумент являлся уже целиком и полностью продуктом своей эпохи. Прибывшие на празднование полувекового юбилея Победы лидеры ведущих мировых держав не сочли бы для себя возможным становиться даже невольными участниками демонстрации современной военной техники чужого государства. Поэтому разнесение во времени и пространстве двух парадов — строевого и военной техники — было обусловлено и соображениями международного политеса.

За превращение Москвы в центр буквально мирового празднования полувекового юбилея окончания Второй мировой войны власти пришлось заплатить дорогую цену. Лидеры Запада, прибывшие в российскую столицу прежде всего для того, чтобы продемонстрировать свою поддержку Ельцину, имея в виду перспективу президентских выборов 1996-го, превратились, по сути, в главных героев дня. Именно к ним оказалось прикованным всё

внимание как власти, так и прессы. Доходило порой до смешного. При подготовке кремлёвского приёма никак не могли выстроить логику рассаживания за столом высоких гостей. Наконец, было решено разместить их тем ближе к Ельцину, чем дальше они занимали свои посты. По иронии судьбы, рядом с российским президентом оказался тогда германский канцлер.

После нескольких лет официозного нигилизма к советскому прошлому столь же официозный поспешный возврат к прежним ритуалам и церемониям, причём даже с задействованием знаковых фигур советской эпохи, производил сильное впечатление. В особенности это касается обоих парадов. Парад на Красной площади принимал Маршал Советского Союза Виктор Куликов. Как и в 1985-м в парадном строю прошли не только нынешние военнослужащие, но и ветераны, для которых даже была разработана специальная форма — мужская и женская. Более того, в парадный ритуал на Красной площади оказался идеально вписанным и Мавзолей Ленина — сооружение, несколько лет перед этим предаваемое анафеме официальными лицами государства, начиная с самого высокого уровня. Президент, премьер и спикеры обеих палат Федерального Собрания принимали парад, расположившись на Мавзолее, подобно членам Политбюро. Правда, тогда, в 1995-м, данное сооружение «реабилитировали» лишь частично, исключительно в качестве удобной трибуны — надпись «Ленин» была стыдливо замаскирована.

Подлинное «возрождение» Мавзолея случилось год спустя — 9 мая 1996-го. Теперь уже Ельцин стоял на трибуне один, остальные — ярусом ниже, на боковых площадках. Даже Сталин не позволял себе столь явного знакового выпячивания собственной персоны. Советские ритуалы вообще всячески демонстрировали, будто первое лицо — не отдельная, пусть и уникальная во всех отношениях, личность (генсек), а коллектив избранных (Политбюро и — в меньшей степени — ЦК). Ельцин же, как бы напротив, подчёркивал, что он сейчас — не столько президент, сколько Верховный Главнокомандующий, принимающий парад своей армии. Его коллеги по участию во власти — люди сугубо гражданские и поэтому не смеют находиться рядом. Они, словно свита, должны почтительно отступить от священной особы военного вождя. Имперские аллюзии действия очевидны. Более того, фами-

лия (точнее, партийный псевдоним) человека, погребённого в Мавзолее, на этот раз была оставлена открытой, видимо, для подтверждения полной и окончательной «реабилитации» советского периода как неотъемлемой части единой и неразрывной исторической традиции.

Можно, конечно, рассматривать затеи с Мавзолеем в контексте аналогичных предвыборных трюков 1995–1996 годов — «воссоединения» с Белоруссией, придания знамени Победы статуса государственного флага, появления на полуофициозном телеканале ОРТ откровенно проельцинской аналитической передачи «Дни» известного прежде своей оппозиционностью к режиму Александра Невзорова. К тому же, ещё год спустя, в 1997-м, президент не только отказался 9 мая вновь подняться на Мавзолей, но и опять заговорил о необходимости его ликвидации. Всё это лишний раз доказывает, что власть воспринимала празднование Дня Победы как очередную пиар-акцию, оценивая её результативность лишь применительно к конкретному моменту и поставленной задаче. Безусловно, и раньше официальным ритуалам был характерен подобный технологизм. Однако при этом сохранялась, по крайней мере, видимость серьёзного отношения к такому действию. Теперь же чуть ли не в открытую признавалось исключительно пропагандистское значение этой помпезной пиар-акции.

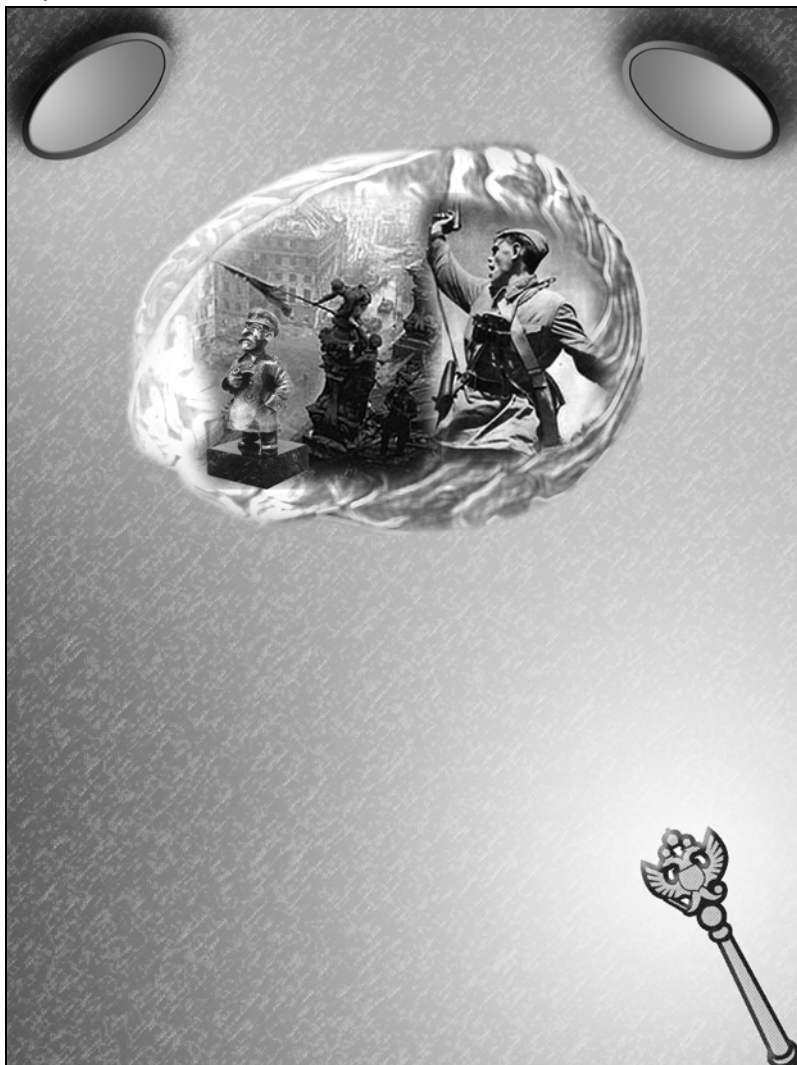
Власть даже не смогла должным образом извлечь символические дивиденды из юбилея Победы для идеологического обеспечения чеченской кампании, да и вообще для хотя бы самой общей мотивационной поддержки российских Вооружённых сил. В угоду прибывшим на юбилей западным гостям боевые действия в Чечне были в очередной раз приостановлены, за что потом — также в который уже раз — пришлось заплатить лишними человеческими жизнями. Впечатляющий парад военной техники на Кутузовском проспекте, в котором участвовали даже относительно новые и находящиеся ныне на вооружении образцы, стал фактически реквиемом для погибающего отечественного оборонно-промышленного комплекса.

Декоративность юбилейных торжеств, попытка с их помощью отвлечь внимание от катастрофического положения дел как в стране в целом, так и в сфере её безопасности проявились и в знаковых событиях, последовавших за юбилейными торжества-

ми. 24 июня 1995 года, в день полувекового юбилея легендарного парада Победы, на котором гитлеровские знамёна и штандарты были повержены к подножию Мавзолея, Россия переживала шок от нападения бандитов Басаева на Будённовск и от унижительных телефонных переговоров премьера с их главарём. В декабре того же года трагическая катастрофа на российской военной базе в Камрани унесла жизни нескольких лётчиков из пилотажной группы «Русских Витязей», пролетевшей над Кутузовским проспектом в финальной части парада военной техники.

Репертуар телеканалов в дни празднования 50-летия Победы оказался до отказа заполненным хорошо знакомыми советскими фильмами о войне, причём не только традиционными для 9 мая заключительными сериями эпопеи «Освобождение». После нескольких лет практически полного господства на экранах второсортного импорта погружение в доельцинскую эпоху производило сильное впечатление. Доходило даже до курьёзов. Так, накануне 9 мая были в один день, друг за другом показаны все двенадцать серий «Семнадцати мгновений весны». Сбылась давняя мечта наших зрителей, буквально забрасывавших Останкино подобной просьбой на протяжении двадцати с лишним лет, прошедших со времени первого показа фильма Татьяны Лиозновой. Демонстрировались не только полюбившиеся фильмы, но и запавшие в душу программы. В частности, были повторены «Голубой огонёк» от 9 мая 1975 года и легендарный концерт Клавдии Шульженко в Колонном зале Дома союзов. Очевидно, что столь откровенное обращение к трогательным и дорогим образам прошлого должно было — по замыслу лиц, делавших этот юбилей, — хотя бы как-то оттенить искусственность празднования, несоответствие его идеологии тяжёлой ситуации, в которой находилась страна из-за растущей инфляции, усугублявшейся бедности подавляющей части населения, не затухающего на Северном Кавказе очага напряжённости. В этом смысле навеянные с телеэкрана ностальгические воспоминания оказывали неоценимую услугу — возвращали настрой искренности и проникновенности, волей-неволей переносившийся и на окружающую действительность. Данную особенность юбилея точно подметил тогдашний главред «Независимой газеты» Виталий Третьяков, назвавший 9 мая «неофициальным днём памяти по Советскому Союзу».

Рисунок 5

Отражённый свет не только ликвидирует зону антипамяти, но и полностью переделывает само пространство памяти. В переплетающихся лучах прямого и отражённого света возникают фантазмагии типа соседства серьёзного и игрового, высокого и низкого. Возникает смысловой лабиринт, в котором субъектно-объектные взаимоотношения пространств власти и памяти меняются на противоположные.

Полувековой юбилей Победы оставил по себе противоречивое впечатление. С одной стороны, пространство жизни, вот уже много лет объятное пространством памяти, вдруг в одночасье оказалось пространством симулякров. И получилось так, что именно память, оставшись, по сути, единственным источником живой творческой энергии посреди этих выхолощенных образов, начала одухотворять их, преодолевая бутафорскую натуру и наделяя содержательным смыслом и самостоятельным значением. С другой стороны, праздник всё же состоялся. Не сбылось гамлетовское пророчество — «связь времен» не порвалась. Более того, ключевая веха советской истории была не только полностью реабилитирована, но и обрела своего рода системообразующее для государственности РФ значение. 9 мая стало нашим новым 7 ноября, а парад на День Победы — с тех пор обязательный элемент этого праздника.

Что же касается непосредственно самого проекта памяти, то в его топике произошла буквально революционная перемена. Субъектно-объектные взаимоотношения власти и памяти стали меняться на прямо противоположные. Власть становилась всё менее и менее способной манипулировать памятью. Противостояние культурных героев и субъектов оказалось снятым из-за своей неактуальности. Функции же культурного героя в пространстве памяти перенесли на саму власть, питающуюся энергией отражённого памятью прошлого и попросту неспособную существовать без этого источника (см. рис. 5).

2005:

В ПРОСТРАНСТВЕ ОФИЦИОЗНОГО МИНИМАЛИЗМА

С приходом Путина память о Победе претерпела странную мутацию — во многом аналогичную той, которую испытал и сам нынешний режим. Эта мутация становится особенно заметной, если сравнить две инаугурации Путина, состоявшиеся накануне 9 мая.

Первая инаугурация 2000 года проходила в обстановке откровенного отождествления новоизбранного президента как бы с самим духом Победы. К этому времени уже фактически завершилась собственно войсковая часть контртеррористической операции в Чечне, и эта локальная, но нелёгкая и чрезвычайно значимая для РФ победа выглядела как бы отблеском той, главной Победы 1945-го. Также незадолго до инаугурации и, соответственно, до 9 мая Путиным была подписана Военная доктрина государства — первый за всю нашу более чем тысячелетнюю историю документ подобного рода. И по своему содержанию, и по времени утверждения эта доктрина дополняла образ сильного Верховного Главнокомандующего и делала его сопричастным ауре Дня Победы.

Но спустя всего лишь четыре года, на следующей инаугурации, состоявшейся также накануне 9 мая, — совершенно другой президент. Точнее, совершенно другой пиар того же самого президента. Никаких знаковых увязок инаугурационных торжеств с приближающимся Днём Победы не прочитывалось. Сам инаугурационный ритуал поражал уже не своим минимализмом. Последний как специфическая путинская стилистика политического действия стал к тому времени некоей нормой нынешнего Кремля. Удивительно выглядело курьёзное новшество инаугурации — тор-

жественное прохождение по Соборной площади военнослужащих Президентского полка в парадной форме, представляющей собой ремейк русской амуниции XIX века, причём как пешим, так и конным строем. Эта декоративная державность и имперскость будто бы преднамеренно контрастировали с состоявшимся 9 мая традиционным парадом, ставшим в последние годы весьма незатейливым. Здесь всего было понемногу: несколько дежурных фраз Верховного о значении Победы как эффективного опыта противостояния международному терроризму, камерный парад с гражданским министром обороны, немножко показательных строевых выступлений — вот и всё. Создавалось впечатление, что инаугурационный парад на Соборной площади (парад, окрещённый общественным мнением как «игрушечный» и «карманный», так как зрителем его был лишь сам президент) как бы противопоставлялся параду 9 мая. Что же произошло? Неужели возрождённый и превращённый Ельциным в главный государственный праздник, День Победы утратил при его преемнике такое значение?

Да, действительно, вместо крутого государственника ныне мы видим не менее крутого радетеля монетизации льгот. Причины столь очевидной перемены образа президента — предмет для особого разговора. Здесь же важно проследить, как синхронно с этой переменой трансформировалось и официозное восприятие Великой Победы.

Ещё раз повторим — память о Великой Отечественной была остро востребована в первые месяцы президентства Путина прежде всего в ситуации второй чеченской войны. Однако здесь очень скоро произошла явная подмена приоритетов.

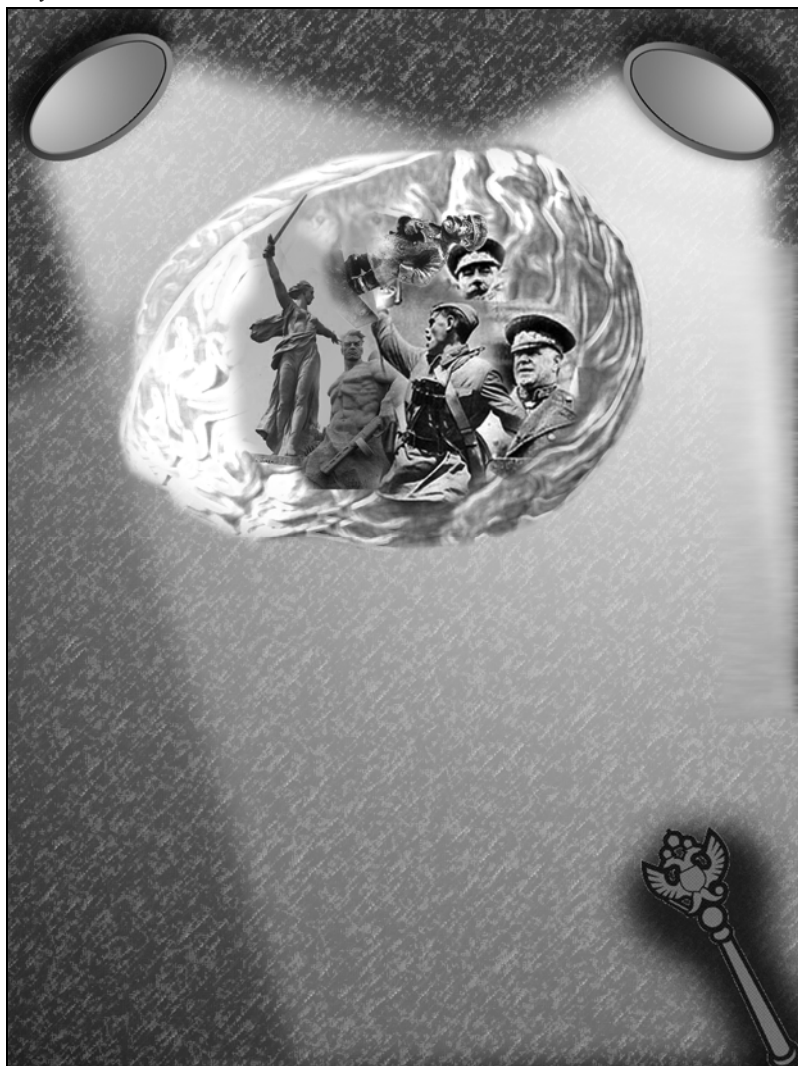
Да, действительно, при Ельцине официозное — нарочитое и продиктованное вполне объяснимыми мотивами текущей внешнеполитической конъюнктуры — подчёркивание союзнического фактора в Великой Отечественной стало несколько неадекватным реальной роли Второго фронта. Но речь тогда могла идти только лишь о некотором нарушении исторических пропорций. Союзнический аспект, хотя и начал выпячиваться несоразмерным образом, однако по-прежнему продолжал играть лишь подчинённую, обеспечивающую роль. И тогда это вполне могло быть воспринято как естественный перекося в обратную сторону после несправедливого и практически абсолютного замалчивания в советское время роли союзников. Тем не менее на полувековой юбилей

Победы высокие зарубежные гости приехали всё-таки, в первую очередь, как руководители сегодняшних партнёров России, но вовсе не как вчерашние союзники.

При Путине же (и особенно после 11 сентября 2001 года) панегирическое возвеличивание союзников сконцентрировалось на формулировке, выворачивающей наизнанку прежнюю мотивацию. Теперь фактически Вторая мировая (заметим, именно она, а не Великая Отечественная) стала обозначаться чуть ли не как своеобразная «генеральная репетиция» интернациональной борьбы с общим врагом. Кто же этот общий враг? В феврале 2003-го, на праздновании 60-летия Сталинградской битвы, Путин провёл своё известное уподобление «террористов» «нацистам 30–40-х годов». Прагматическая аргументация президента понятна, и об этом он прямо заявил в январе текущего года на юбилее освобождения Освенцима. Такое уподобление способно в определённой степени приглушить свойственные европейскому общественному мнению двойные стандарты в отношении борьбы с терроризмом на Северном Кавказе. Отсюда — и призыв «отбросить все второстепенные разногласия и сплотиться против общего врага» по примеру того, как это было «в годы Второй мировой войны». Пространство памяти оказалось подменённым одной из своих функций — актуализацией прошлого в контексте событий текущего момента (см. рис. 6).

Произошла эта подмена не сразу. Ещё в 2000 году в своём ярком и, без преувеличения будет сказано, буквально героическом выступлении в Видяево перед родственниками моряков погибшего «Курска» (выступлении, из которого кремлёвские имиджмейкеры смогли бы извлечь колоссальные дивиденды для Путина, будь оно соответствующим образом преподнесено и не оказался «трофеем» оппозиционных журналистов) президент активно прибегал к образам именно Великой Отечественной. Американская трагедия 11 сентября 2001 года фактически — на тот момент — сняла международные претензии к России по поводу Чечни, однако одновременно сделала неизбежным встраивание нашей страны в международный антитеррористический пул под главенством США. В этой ситуации Великая Победа и стала лишь «генеральной репетицией» предстоящих спустя более полувека совместных союзнических контртеррористических операций.

Рисунок 6

Тенденция, обозначенная на предыдущем рисунке, в своём развитии может привести к непредсказуемой ситуации. Дробление и каталогизация культурных героев на фоне превращения власти в фактический объект пространства памяти ставит под сомнение дееспособность «осветителя» и его право на дальнейшее пребывание в данном качестве.

В этом контексте обрёл новое звучание тезис об «украденной Победе» — теперь уже в трактовке Александра Зиновьева: победители в «холодной войне» развернули тотальную фальсификацию истории с тем, чтобы отнять у победителей в Отечественной войне величайшую победу в истории «горячих войн».

Не явились ли в каком-то смысле горькой платой за подобный смысловой «размен» духа 1945-го унижительные знаковые пощёчины, наносимые России её нынешним врагом именно 9 мая — в 2002-м в Каспийске, а в 2004-м — в Грозном? Сегодня уже объявлено о беспрецедентных мерах безопасности в столице в предстоящий День Победы. Шокирующее впечатление произвело заявление командующего войсками Командования специального назначения о готовности уничтожать пассажирские самолёты, захваченные террористами. Возникают аллюзии вовсе не с победным маем 45-го, а, скорее, с тревожной осенью 41-го. Особенно если учесть обсуждаемое практически в открытую очередное «отступление» РФ на недавнем саммите в Братиславе.

В отличие от чёткой и последовательно проговариваемой установки на преемственность между фашизмом и нынешним терроризмом и, следовательно, между антигитлеровской коалицией и сегодняшним международным партнёрством России, иные смысловые акценты кремлёвского восприятия Великой Победы буквально поражают своим минимализмом и аморфностью. Власть избегает каких-либо сильных знаковых акций. Например, обратное переименование Волгограда в Сталинград не отрицается в принципе, но считается «преждевременным». Акцент с идеологии всё чаще переносится на проблемы социального обеспечения ветеранов. Очевидна несуразность официальных заявлений на этот счёт на фоне прокатившейся в начале текущего года по России «седой революции», направленной против монетизации льгот. Более того, в последнее время в повышенном внимании к участникам войны прочитывается и ещё один крайне тревожный подтекст, проявившийся в частности в декабре минувшего года, во время посещения президентом посвящённого Московской битве военно-театрализованного представления на Алабинском полигоне Таманской дивизии. Зрелищность действия намного

превосходила его смысловое наполнение. Но насторожил даже не этот, многократно усиленный электронными СМИ эффект действия. Обратила на себя внимание высказанная после представления одним из ветеранов мысль о том, что для большинства фронтовиков 60-летие станет последним в их жизни юбилеем, и поэтому предстоящие торжества должны быть адресованы прежде всего им. Эти слова могли бы выглядеть лишь частным мнением, не будь они высказаны в присутствии президента и, следовательно, обозначены как определённая установка. Бесспорно, ветераны — главные герои праздника, но вовсе не единственные его адресаты и потребители. В последнем случае подобная локализация пространства памяти попросту уничтожит День Победы как главный и консолидирующий общество праздник.

В 2003-м, на праздновании 9 мая в Туле, президент сказал: «В День Победы мы прикасаемся к обжигающей правде войны». Эта «обжигающая правда» сполна проявилась в полемике, развернувшейся на недавнем заседании в Орле Российского организационного комитета «Победа». Обращает на себя внимание отнюдь не растиражированное СМИ заявление генерала Валентина Варенникова о новых фильмах — «Штрафбат», «Московская сага», «Дети Арбата» — как о лживых. В конце концов, даже «обжигающая правда войны» — у каждого своя. И генерал, не только прошедший Великую Отечественную, но и оказавшийся уже в преклонном возрасте политзаключённым, а затем в открытую, на правовом поле доказавший свою невиновность, имеет полное право на свою собственную правду. «Обожгло» на орловском заседании другое. Например, сорвавшая аплодисменты и произнесённая с явным подтекстом просьба того же Варенникова к главе Минсоцразвития хотя бы до праздника наложить мораторий на очередные реформистские инициативы его ведомства, а также Минобразования. Или пикирование с тем же Михаилом Зурабовым московского мэра. И всё это на глазах у первого лица в государстве.

На совещании в Орле, пожалуй, впервые за последние годы столь явственно совпали два пространства — власти и памяти. Руководство страны формулирует концепцию юбилейных тор-

жеств уже не просто как очередную пиар-акцию, но, скорее, как способ проведения на их волне конкретных управленческих решений. Память становится последним рубежом, за который нельзя отступать. Рубежом — или страницей каталога? К примеру, каталога виртуальных игр по сюжетам Великой Отечественной, которых в последнее время появилось огромное количество. Безусловно, тревожное предчувствие каталогизации Победы сегодня буквально висит в воздухе. Если это предчувствие оправдается, то 2005 год станет, действительно, последним юбилеем Победы.

ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

Рассмотренный на материале предыдущих юбилеев опыт манипулирования памятью прошёл полный круг своего развития. Сначала — целенаправленная локализация пространства памяти, затем — его развёртывание в пространство жизни и повседневности; далее — перенесение в сферу образов и отражений. Наконец, сейчас пространство памяти как бы вновь возвращается в пространство власти, но уже на правах не объекта, но субъекта, причём чуть ли не определяющего и обеспечивающего легитимацию статусной политики. 60 лет власть манипулировала памятью в своих сугубо эгоистичных интересах, причём делала это, как правило, весьма топорно и неэффективно. Нынешний режим — не исключение. Находясь в крайне затруднительном положении — как внутри страны, так и на международной арене — он стремится прагматизировать то, что в принципе не поддаётся рациональному постижению.

Но память — это не только бронза и гранит, нередко подавляющие грандиозными формами, но простое, негромкое человеческое слово, сказанное о тех, кто сражался и умирал... Память о Победе не может быть приватизирована режимом, как, впрочем, и такими новообразованиями «гражданского общества», как военно-исторические клубы, играющие в «войнушку» и коллекционирующие вперемешку советские Ордена Славы и немецкие Железные Кресты. Можно ли вообще создать идеальное пространство памяти? Наверное, нет, так же как и нельзя сконструировать идеальное пространство власти. Однако пространство власти доступно лишь немногим — большинство взирает на него со стороны. К пространству же памяти причастны все без исключения. А значит — и ответственные за него!

Да, нынешняя власть слаба и беспомощна, её авторитет стремительно падает, и ситуация чем-то даже напоминает конец 1916-го — самое начало 1917-го. Особенно на фоне прозвучавших в последнем президентском послании ссылок на обанкротившиеся авторитеты столетней давности. А интеллектуалы, как и веком раньше, снова задаются вопросом, нужно ли поддерживать такой режим или же сжечь его в пламени новой — на этот раз «бархатной» — революции. На этом фоне предстоящий юбилей Победы становится, возможно, последним шансом выработки конструктивного национального согласия, в котором нуждаются и власть, и общество. Таким образом, сегодня именно Память способна стать тем единственным третьейским судьёй, который только и способен ещё удержать страну на краю пропасти.

Память судит, что называется, по гамбургскому счёту. И у неё есть веские обвинения к обеим сторонам — как власти, так и обществу.

Что касается власти, то тут всё более-менее ясно и не вызывает сомнений. Следует только заметить, что уже сразу после Победы (нравственный авторитет которой и даёт право на такой гамбургский счёт) были сформулированы сценарии, сполна отыгранные уже под конец века, — технологий целенаправленного демонтажа Союза ССР, тупиковых попыток национально-государственного строительства в многонациональной и поликультурной стране, альтернативных моделей социализма, особой роли конфессиональных институтов.

Первые сигналы прозвучали именно тогда, в первые послевоенные годы, но они так и остались по-настоящему не понятыми зазнавшейся от Победы властью. Кто знает, быть может, осталась бы иная память о Сталине и его режиме, не прозевай бы они столь доверительных к победившей власти сигналов. Эти сигналы в обилии подавались самыми разными людьми. Простыми гражданами, любящими свою Родину и поверившими после леденящих социальных экспериментов 30-х в то, что можно положиться на тех, кто «наверху». Маршалами, ощутившими доверие Верховного. Наркомаами, вкусившими ответственную самостоятельность в командовании своими танкоградами. Дипломатами, предоставившими внушительные ноты доверия к стране-победительнице.

Вот и сейчас, в момент истины победного юбилея, у власти ещё остаётся шанс исправить ошибки — как собственные, так и своих предшественников. Услышит ли она эти сигналы, поступающие к ней с разных «этажей» общества? А услышав, окажется ли способной адекватно понять и принять к действию? Кто знает, быть может, именно сейчас перед властью впервые в нашей истории открывается перспектива оказаться не объектом очередного слома под вывеской «бархатной» или какой-либо иной революции, а самой возглавить поход против коррумпированной чиновничьей гидры, уже не раз губившей российскую государственность? Такой поход стал бы лучшим доказательством того, что власть не относится к своему народу, как к быдлу.

Но и с общества также особый спрос. Оно не имеет права на какую бы то ни было презумпцию невиновности и незапятнанности, в отличие от кругом виноватого режима. Сваливать всю вину «наверх» смешно. Подобный нравственный авторитет ещё надо заслужить. Выход здесь единственный — напряжённо *сотворчествовать* тем начинаниям власти, которые объективно и с точки зрения здравого смысла созидательны, а не чаять лёгкой наживы в горниле очередной смуты. А начать здесь надлежит хотя бы с самого простого и очевидного в канун приближающегося юбилея Победы — вывести общественную дискуссию из русла, похоже, активно навязываемой «сверху» полемики о роли Сталина и о том, следует ли ему сейчас воздвигать памятники. Или прервать уже опостылевшие за последние 15 лет сетования по поводу того, почему, победив в войне Отечественной, мы проиграли в войне «холодной». А вместо этого — бережно развить и придать дальнейший импульс энергии национального единства и согласия, пока ещё сохраняющихся вокруг Дня Победы и сотворённого этой датой пространства памяти.

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Г.А. Бордюгов	главный редактор
А.Г. Макаров	генеральный директор
С.П. Щербина	арт-директор
К. Аймермахер	Рурский университет в Бохуме
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Р. Бургер	INTAS, Брюссель
Х. Вада	Токийский университет
А.Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гатагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р.У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Козн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
А.Ч. Касаев	Журнал политической мысли России «Политический класс»
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В.Э. Молодяков	Университет Такусёку
И.В. Нарский	Южно-Уральский государственный университет
В.А. Невежин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Б.В. Соколов	Московский государственный социальный университет
Т.А. Филиппова	Российский исторический журнал «Родина»
Я. Хоулэтт	Кембриджский университет
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
А.В. Венков	Ростов-на-Дону
В.И. Голдин	Архангельск
В.А. Дробышев	Старый Оскол
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Канищев	Тамбов
Н.А. Постников	Курск
Е.М. Раскатова	Иваново
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

В 1999–2005 гг. в серии вышли:

- Выпуск 1 — «Своё» и «чужое» прошлое в постсоветских государствах.
- Выпуск 2 — *И. Ротарь*. Ислам и война.
- Выпуск 3 — *М.И. Мельтюхов*. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается.
- Выпуск 4 — *Стивен Коэн*. Изучение России без России (крах американской постсоветологии).
- Выпуск 5 — *Г. Бордюгов, В. Бухараев*. Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи
- Выпуск 6 — *К. Вашик*. Представление исторического знания и новые мультимедийные технологии.
- Выпуск 7 — *Д.Ю. Гузевич*. Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры.
- Выпуск 8 — *Е. Котеленец*. Харизматический властный союз. Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении.
- Выпуск 9 — *Дирк Кречмар*. Искусство и культура России XVIII–XIX вв. в свете теории систем Никласа Лумана.
- Выпуск 10 — *В.Э. Молодяков*. Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941.
- Выпуск 11 — *О.Г. Буховец*. Постсоветское «Великое Переселение народов»: Беларусь, Россия, Украина и другие.
- Выпуск 12 — *И. Ротарь*. Под зелёным знаменем Ислама. Исламские радикалы в России и СНГ.
- Выпуск 13 — Новые концепции российских учебников по истории.
- Выпуск 14 — *Беттина Зибер*. Русская идея обязывает!?
- Выпуск 15 — *Сергей Александров*. Возникновение зарубежной России.
- Выпуск 16 — *Стивен Коэн*. Можно ли было реформировать советскую систему?
- Выпуск 17 — Великая война: трудный путь к правде. Интервью, воспоминания, статьи.
- Выпуск 18 — Истребительная война на востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944. Доклады. Под ред. Габриэле Горцка и Кнута Штанга.

ИД № 01428 от 05.04.2000

Подписано в печать с оригинал-макета 22.04.2005

Формат 60×80 1/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 3.5.

Научно-исследовательский центр АИРО

E-mail: airo@online.ru
